

УДК 811.531'36

Т.Б. Ли

Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана,
Казахстан, г. Алматы
e-mail: littlebig@list.ru

Спорные вопросы определения термина «служебные имена существительные» в корейском языке

Лингвисты советско-российской школы корееведения выделяют в классификации частей речи в корейском языке группу служебных слов. Тогда как в современной корейской традиции данного понятия не существует. Несоответствие классификаций привело к тому, что сегодня возникает проблема определения и применения наиболее верного названия того или иного грамматического разряда. Это касается класса так называемых «служебных имен существительных». В данной работе мы подняли вопрос целесообразности применения данного термина в русскоязычном корееведении, указывая на то, что при обучении корейскому языку на казахском языке, близком по структуре к корейскому, лучше брать за основу не советское направление, а традиционное корейское.

Ключевые слова: Служебные имена существительные, несамостоятельные имена существительные, зависимые имена существительные, служебные слова.

Т.Б. Ли

Корей тіліде «көмекші зат есімдер» орыс термин анықтамаларының кейбір мәселелері

Корейтану мектебінің кеңестік-ресейлік лингвисттері корей тілінде "көмекші сөздер" деп аталатын сөз табын жеке қарастырады. Алайда заманауи корей дәстүрінде аталмыш ұғым жоқ. Осындай сай келмеушіліктің кесірінен қазіргі таңда әрбір грамматикалық терминнің мәнін ашар жаңа ұғым анықтау проблемалары пайда болуда. Бұл мәселе "көмекші зат есімдер" деп аталатын сөз табына да қатысты. Берілген жұмыста біз "көмекші зат есімдер" терминін орыс тілді корейтанушылар арасында да қолдану мәселесін қарастырдық. Ондағы басты ой – қазақ тілі арқылы корей тілін үйренгенде басты назарға кеңестік жүйелеу емес, дәстүрлі корейлік корейлік жүйелеуді алу дұрыстығы жайлы.

Түйін сөздер: Көмекші зат есімдер, дербессіз зат есімдер, тәуелді зат есімдер, көмекші сөз.

T.B. Lee

The points at issue of the determination of «auxiliaries (dependent) nouns» term in Soviet and Russian Korean studies

Linguists of the Soviet-Russian school of Korean Studies allocated the syntactic words in classification the parts of speech in Korean Grammar. But this concept doesn't exist in modern Korean linguistic. The discrepancy of these classifications made that today there is the problem of definition and using the terms of some grammatical classes. This problem is connected with the class of nouns, which is called "auxiliaries nouns" in Russian Korean Studies. In this research we try to solve the question of the application of this term in a Soviet Korean Studies. Especially we recommend taking as basis not Soviet, but traditional Korean classification in process of teaching Korean grammar by Kazakh, which have the same grammatical structure with Korean.

Key words: auxiliaries nouns, quasi-free nouns, dependent nouns, bond nouns, auxiliaries words, form words, functional words, syntactic words.

В данной работе рассматриваются спорные вопросы применения в русскоязычном корееведении термина «служебные имена существи-

тельные» в отношении целого класса имен существительных «의존명사» [[üjjonmyõngsa], которые не имеют четко выраженной семанти-

ки и употребляются только с определяющими их словами, заимствуя у них содержание. Служебные имена существительные обладают абстрактным лексическим значением, которое при переводе может быть передано с большей или меньшей долей условности [[9, с.81]. Приведем некоторые из них: **것** [köt] – вещь; **바** [[ba] – факт; **이/분** [i/bun] – лицо, персона; **데** [de] – место; **따위** [ttawi] – вид, сорт, тип; **수** [su] – возможность, способ; **리** [ri] – причина; **씨** [ssi] – факт; **따름** [ttareum] – ограничение; **척/체** [cheok/che] – вид, подобие; **채** [chae] – состояние; **듯** [diut] – подобие; **양** [yang] – образ и т.д. В предложении служебные имена существительные становятся лексически зависимыми от контекста, придавая всей определяемой их конструкции субстантивационный характер. Именно эта особенность вызывала и вызывает постоянно большой научный интерес у лингвистов различных школ и направлений. Слова данного класса были предметом изучения таких востоковедов, как Г.Рамстедт, Самуэль Э. Мартин, Калеви Тарвайнена, Чжонг Хо Ван, Хванг Кёнг Су, А.А. Холодович, Ю.Н. Мазур, Л.Б. Никольский, и т.д. Советские кореееды рассматривали эти слова с точки зрения принципов словообразования, синтаксической функции в предложении и, наконец, с точки зрения частей речи, выделив их в большую группу «служебных слов» в структуре корейского языка, тогда как в корейской традиции слова не классифицируются по категории служебности.

Изучение проблем применения того или иного термина в отношении данного класса слов в корейском языке имеет прямую зависимость от решения вопроса состава корейского языка и классификации его грамматических единиц, а также с определением сущности и критериев выделения в нем частей речи. Отметим, что проблема выделения частей речи остается до конца не решенной не только в корейском, но и многих других восточных языках. При этом тот факт, что востоковеды до сих пор не смогли прийти к единому мнению в данном вопросе, делает рассматриваемый нами вопрос еще актуальней [[1, 3, 4]. Существующие классификации частей речи в корейском языке осуществлены преимущественно на материале европейских языков. Их выделение основано на критериях, которые релевантны для европейских языков, но не агглютинативных [[2, 8, 13, 16]. Данный

факт нашел свое отражение в вопросе терминологии, используемой русскоязычными корееведами в исследованиях по корейской грамматике. Вследствие этого данная проблематика требует более пристального рассмотрения существующих традиций классификации частей речи, вообще, и логичности употребления тех или иных названий грамматических единиц, в частности. Рассмотрим данную проблему на примере класса служебных имен существительных в корейском языке.

В современной корейской традиции выделяют девять частей речи [[19, т.3, с.321], среди которых можно заметить элементы синтаксических конструкций и словообразовательные аффиксы, которые в европейской традиции не свойственно выделять как часть речи. Это именные части речи: «**명사** [myöngsa] – имя существительное», «**대명사** [daemyöngsa] – местоимение», «**수사** [susa] – числительные; предикативы: «**동사** [dongsa] – глаголы», «**형용사** [hyöngyongsa] – прилагательные»; «**어미** [[ömi] – предикативные окончания», «**관형사** [gwanhyöngsa] – атрибутив», «**부사** [busa] – наречие», «**감탄사** [gamt'ansa] – междометие» и «**조사** [josa] – падежные частицы». То есть, в морфологической структуре многих европейских языков не принято выделять такие словообразовательные элементы, как предикативные окончания или падежные частицы, в части речи. Данный вопрос упирается в решение проблемы четкого определения границ и критериев выделения частей речи, и зависит от того, на каких критериях она основана. Так, широко известны такие подходы разделения частей речи, как семантический, морфологический и синтаксический. При этом, например, в современных исследованиях грамматики японского языка, который, как и корейский, имеет флективную структуру, некоторые лингвисты (В.М.Алпатов, М.Киеда и другие) неоднократно поднимали вопрос о критериях разграничения частей речи в японском языке, указывая каждый раз на различия в европейском и традиционном японском понимании границ морфемы (слова). Мнения многих востоковедов расходятся в вопросе места и роли служебных слов в агглютинативных языках, поэтому до сих пор актуальны споры на темы: «послелог или аффикс», «частица или окончание» [[1, с.37].

О расхождении во мнениях лингвистов традиционной корейской лингвистической школы (грамматика Чу Си Гёна, Чве Хён Бе и др.) и исследованиях европейских и советских корееведов (Г.Рамстедт, А.А.Холодович, Ю.Н.Мазур и др.) упоминает в своей работе и советский лингвист – Лев Борисович Никольский, занимавшийся изучением корейских служебных слов. «В решении проблемы о служебном слове в корейском языке четко проявляются два направления: первое – традиционное, нашедшее отражение в большинстве работ корейских лингвистов, второе – то, которое представлено европейским корееведением и корейскими языковедами, испытанными в своих грамматических построениях влияние европейского языкознания» [[11, с.5].

Вслед за вышеуказанными востоковедами рассмотрим вопрос определения термина, используемого в отношении класса служебных имен существительных в корейском языке, с двух сторон: традиционной корейской лингвистики и советского или русскоязычного корееведения.

В современной корейской классификации частей речи служебные имена существительные не выделены в отдельную группу, являясь лишь подгруппой в общем классе существительных [[20, т.3, с.575]. Стоит также отметить, что в современном корейском языкознании признание разных точек зрения на один и тот же вопрос позволяет сосуществовать одновременно нескольким названиям одной и той же лингвистической единицы, и каждый исследователь вправе использовать тот вариант, на котором основывается его теория классификации данной грамматической категории. Так, например, рассматриваемый нами класс слов имеет разные названия: «불완전명사 [[burwanjŏnmyŏngsa] – незавершенные (неполные) имена существительные», «형식명사 [[hyŏngsikmyŏngsa] – формальные имена существительные», «의존명사 [[ijŏnmyŏngsa] – зависимые имена существительные», при том, что еще несколько столетий назад сам класс имен существительных имел совершенно другое название – «매인이름씨» [[maeinireumssi] [[18, с.10, 95]. Говоря о корейской традиции выделения класса служебных имен существительных, здесь и далее мы употребляем термин «несамостоятельные имена существительные», вместо «служебные».

При этом некоторые русскоязычные исследователи уже поднимали вопрос логичности применения термина «несамостоятельные» в корейской грамматике. Так, в статье российского исследователя В.В.Аникиной под названием «Европейские лингвисты XIX века – создатели первых грамматик корейского языка» сказано: «Если обратиться к факту выделения так называемых «несамостоятельных существительных» (의존명사), то можно заметить, что понятия универсальной грамматики искусственно притягивались для наименования частей речи корейского языка. По сути, если мы говорим «несамостоятельное, или зависимое, существительное», то мы подтравываем статус самого понятия «существительного», так как грамматисты утверждают, что это самая самостоятельная категория. Н.Д. Арутюнова определяет существительное как денотативное значение полного репрезентата референта. Исходя из этого, можно указать на неправомерность использования термина «несамостоятельное, или зависимое, существительное». Такое использование не вполне приемлемых терминов можно объяснить тем, что ученые прибегали к рационалистической теории, с помощью которой можно объяснить любую грамматику готовыми категориями. Использование универсальных понятий положительно сказывается на формировании типологии, но отрицательно влияет на возможность раскрытия уникального в языке» [[2, с.172].

Отчасти российский исследователь права, и то же самое можно сказать в отношении термина «служебные имена существительные». Согласно приведенной выше классификации частей речи в корейской традиции, имена существительные делятся на нарицательные и собственные, самостоятельные и несамостоятельные [20, т.3, с.498]. Примечательно, что первые два вида существительных классифицируются по грамматическим признакам: категория собственности и нарицательности, а вторые два вида – по лексико-семантической самостоятельности или зависимости. При этом классифицировать вторую группу существительных по категории знаменательности и служебности тоже было бы неверно. Так как вопрос знаменательности имен существительных уже ни у кого не вызывает сомнения, возникает острый вопрос логичности

сочетания «служебные» и «имя существительное».

Можно предположить, что признание в корейской лингвистике классификации частей речи, где среди привычных категорий присутствуют словообразовательные аффиксы, а имена существительные в той же классификационной структуре отличаются по своим признакам, и стало причиной возникновения отличных друг от друга точек зрения у корейских и некоторых европейских, включая советских, ученых. Последние, как говорилось выше, пытались систематизировать грамматический строй корейского языка через призму основ европейского языкознания. Советско-российские лингвисты, выделяя части речи не только по морфологическим критериям, но и по их синтаксической роли в предложении, пытались сочетать европейский и традиционный корейский подходы. А теперь рассмотрим, к каким выводам пришли советские лингвисты в своих трудах.

В советском корееведении такие ученые, как А.А.Холодович, Л.Б.Никольский, Ю.Н.Мазур не раз предпринимали попытки объединить в лексико-грамматические разряды корейские слова, которые по признакам могли бы быть определены как служебные. Их классификации до сих пор широко применяются в русскоязычном корееведении. Так, в своих ранних трудах А.А.Холодович выделял группу служебных слова, разделяя их согласно грамматическим функциям на: служебные имена существительные, служебные глаголы и служебные прилагательные. Можно сделать предположение, что автор и стал основоположником термина «служебные имена существительные» в русскоязычном корееведении, тогда как в поздних трудах, указывая на неточности, допущенные им в ранних работах, при описании классификации корейских частей речи он включает параграф «Собственно существительные и служебные существительные» в раздел «Имена существительные»: «Различие между ними состоит в том, что имена первого рода выполняют назывную функцию, тогда как имена второго рода несут грамматические функции» [[16, с.48]. То есть, в поздней работе автор уже определил класс служебных существительных уже занимает позицию, приближенную к современной корейской, но термин «служебные имена существительные» не утрачивает своей актуальности. Нам не удалось

найти детальной информации о какой-либо, предложенной автором, классификации имен существительных, кроме их описания. Он лишь выделил служебные имена существительные в отдельный класс, указывая, что внутри него разделение имен предметов происходит «по каким-либо внешним, чувственно-воспринимаемым признакам» [[16, с.49].

В отличие от А.А.Холодовича Ю.Н.Мазур расширяет классификацию служебных слов, добавляя к служебным именам существительным и служебным предикативам послелого и союзы [[8]. Однако он так же, как и Холодович, в своих поздних работах меняет мнение о составе класса служебных слов [[9], оставляя при этом ему, как и прежде, отдельное место в общей системе корейского языка. Классификация частей речи Ю.Н. Мазура отличается от традиционной корейской и той, что предложил А.А. Холодович, тем, что помимо шести основных частей речи (имя существительное, местоимение, числительное, глагол, прилагательное и наречие) он выделял в корейском языке атрибутив, образительные слова, междометия и целый класс служебных слов, в состав которых вошли: послелого, союзы, служебные имена (существительные), счетные слова (нумеративы), служебные глаголы, служебные прилагательные, связки и частицы.

Автор классифицирует группы слов в корейском языке как «лексико-грамматические классы», разделяя их на «части речи и грамматические классы служебных слов». При этом он отмечает, что по лексическим признакам все слова в корейском языке делятся на «полнозначные или самостоятельные» и «неполнозначные или несамостоятельные, служебные» [[9, с.33]. В своей классификации он продолжает основываться на взглядах европейских лингвистов, выделяя отдельный класс «служебных слов», который объединяет «служебные имена» или «служебные имена существительные» наряду с послелогом, союзами, счетными словами, связками и частицами. Указанный им класс под названием «служебные имена» подразумевает «служебные имена существительные». В их описании автор указывает, что «служебные имена (существительные) в отличие от полнозначных существительных лишены номинативной функции и не употребляются без предшествующего определения. Это строевые слова,

слова-конструкты. Автор также поясняет, что слова данного класса обладают «абстрактным лексическим значением, которое при переводе может быть передано с большей или меньшей долей условности» [[9, с.65]. Данная классификация служебных слов остается до сих пор наиболее распространенной и используемой в корееведении России и стран СНГ.

По нашему мнению, термин «служебные имена» тоже может ввести в заблуждение многих, не раскрывая достоверно особенностей рассматриваемого нами класса слов. В грамматике большинства тюркских языков присутствует класс «служебных имен» [[6, 12, 14], которого нет в русском или других европейских языках.

Например, в казахском языке есть и служебные имена (көмекші есімдер), которые описывают расположение предмета в пространстве и часто соответствуют предлогам русского языка, и послелого (септеулік шылаулар) [[6, 12, 14]. Служебные имена образуются из основ, зачастую существительных в притяжательной форме третьего лица, к которым затем присоединяются окончания пространственных падежей, чаще местного падежа (окончания -нда/-нде): алды (сущ.) – перед, передняя часть, алдында (служ.имя) – перед (чем-то/кем-то). Служебные имена в казахском языке всегда употребляются после существительных в родительном падеже: Бала ағаштың алдында отыр. – Мальчик сидит перед деревом. [[14, с.48]

В корейском языке также существуют похожие по выполняемым функциям слова, которые советские корееведы выделяют в класс «послелогов». Это существительные, имеющие пространственное, временное или относительное значение, и которые сочетаются лишь с некоторыми падежными частицами. Однако они не относятся к исследуемому нами классу слов, хотя и имеют много общего с ним и тоже являются именами существительными. Например: существительное «후» [[hu] – следующий, позади» с частицей местного падежа «-에» переводится на русский как «после, через, затем; после того, как; за тем, как» и часто классифицируется как послелог, но оно не является служебным именем существительным, так как имеет прямое лексическое значение [[20].

Примеры предложений с существительным «후»:

А. 결혼 후에 생활습관이 갈아질 수도 있다.

После свадьбы у супругов могут появиться одинаковые привычки.

Б. 두 달 후에 결혼할 거라고 하였다.

Он сказал, что женится через два месяца.

В. 그녀가 결혼한 후에는 그녀의 얼굴을 보기가 힘들어졌다.

После того, как она вышла замуж, ее почти не видно.

Примеры предложений со служебным именем существительным «것»:

А. 나는 그러한 모든 것을 보았던 것이다.

Все это предстало передо мной.

Б. 그런 아버지를 보지도 못한 것은 참으로 분한 일이에요.

Меня действительно удручает тот факт, что я не увидела своего отца таким.

В. 한번은 어머니와 외삼촌이 말다툼하는 것까지 내가 들었어요.

Однажды я даже услышала, как мама и мой дядя ссорились.

Таким образом, мы разграничиваем термины «служебные имена существительные» и «служебные имена», считая, что это разные группы слов. Ю.Н.Мазур же при описании морфологии корейского языка не разграничивает эти понятия и указывает оба, называя ими класс, основное свойство которого – приобретать лексическое значение только в сочетании с определяющими их атрибутивными конструкциями. Таким образом, под служебными именами мы понимаем имена существительные, выполняющие функцию послелогов, в отличие от которых служебные имена существительные всегда употребляются после атрибутивных конструкций (в русском языке им аналогичны «причастные обороты»), которые обязательно заканчиваются глаголами, прилагательными и существительными в значении предиката. То есть, выполняют функцию субстантиватора всей синтаксической конструкции при обязательном наличии предикации. В отличие от них существительные-послелого, которые мы можем назвать «служебными именами» за выполняемые функции послелогов, ссылаясь на используемый в тюркских языках термин, в корейском языке употребляются чаще после имен существительных без какой-либо предикации или после некоторых глаголов с определенным лексическим значением. Круг сочетаемых с послелогом глаголов ограничен, поскольку большинство послелогов

имеют пространственное или временное значение. Это их основное отличительное свойство от служебных имен существительных в корейском языке. Русскоязычные корееведы относят обе названные группы к единому классу служебных слов. В то время как корейские лингвисты не считают их служебными, поскольку и послелого, и служебные имена существительные обладают четко выраженными свойствами простых существительных и легко сочетаются с падежными частицами. В данном случае встает вопрос, о котором мы уже упоминали выше – определение границ морфем в агглютинативных языках. Являются ли так называемые «послелого» служебной частью речи или же это аффиксы? К сожалению, в данном вопросе лингвисты восточных и европейских языков так не пришли к единому мнению. Мы же разделяем мнение тех ученых, которые полагают, что в агглютинативных языках деления частей речи на знаменательные и служебные не существует.

В отличие от других советских корееведов, предпринимавших попытки исследования класса служебных слов и служебных имен существительных, в частности, Л.Б. Никольский указал не только функциональные разряды служебных слов в корейском языке, но и сумел представить на рассмотрение семантическую классификацию слов и выделить особенные характеристики служебных слов. Однако исследование Л.Б. Никольского частично теряет свою актуальность в современном корееведении, так как вопрос служебности многих групп, которые автор включил в свою классификацию, в той или иной степени ставится под сомнение. Например, класс служебных имен существительных входит в состав общего класса служебных слов наряду с так называемыми «послелогогами», «союзами», «частицами», а также счетными словами или классификаторами. Последние в современной корейской традиции относятся к рассматриваемой нами группе слов. Постоянная ссылка автора на предшествующие работы А.А. Холодовича позволяет, предположить, что в своем исследовании Л.Б. Никольский основывался на предложенной А.А. Холодовичем классификации служебных слов. При этом мы не можем не отметить заслугу Л.Б. Никольского, который сумел рассмотреть класс служебных имен существительных со всех возможных сторон, учитывая многочисленные трудности, воз-

никающие как в определении единых признаков и морфологических критериев данного класса, так и в применении терминологии.

Проанализировав рассмотренные нами точки зрения, в заключении хотим сказать, что в русскоязычном корееведении, как и в исследованиях многих европейских лингвистов по грамматике корейского языка, определение многих грамматических понятий происходило по методу проведения аналогий с грамматиками европейских языков. Такие названия групп как «служебные слова», «послелого», «причастие» и другие были внедрены ими для передачи выполняемых соответствующими словами функций в предложениях. При этом, не были учтены особенности агглютинативного строя корейского языка. Так, в современной корейской традиции нет терминов «служебные слова» или «причастие», а термин «후치사 [[huch'isa] – послелог» применяется лишь для передачи на корейский язык соответствующего класса, присутствующего во многих европейских грамматиках. Отдельным вопросом встает проблема о наличии служебных признаков у так называемой группы «служебных слов». Многие классы, которые русскоязычные корееведы относят к служебным, не попадают под критерий «служебные части речи не изменяются и не склоняются», если учитывать, что как и все именные части речи (существительное, местоимение, числительное) в корейском языке они сочетаются с падежными частицами (аффиксами). И наоборот. Как счетные слова, послелого, служебные имена существительные, входящие в состав общей группы корейских имен существительных, могут обрести признаки служебности, если имя существительное – знаменательная часть речи? Таким образом, исходя из вышеизложенного, мы полагаем, что вопрос использования в советском и российском корееведении определения «служебные» в отношении рассмотренного нами класса имен существительных в корейском языке требует пересмотра и дополнительного исследования.

Как видим, наличие многочисленных несоответствий в определениях не только класса служебных имен существительных, но и других грамматических групп в корейском языке, а также необоснованность принципов выделения частей речи в русскоязычном корееведении де-

лает изучение поставленных вопросов крайне актуальным. Особенно для стремительно развивающегося казахстанского корееведения, где с каждым годом увеличивается количество исследований на национальном казахском языке, который входит в состав тюркской языковой группы. Это означает, что казахский и корейский языки имеют схожую агглютинативную структуру, и описание грамматического строя корейского языка на казахском или другом вос-

точном языке, имеющем близкую языковую структуру, в отличие от описаний корейской грамматики на европейских языках, позволит наиболее достоверно передать специфичность некоторых грамматических классов. Так, при обучении корейской грамматике на казахском языке рекомендуем брать за основу не советское и современное российское направление в корееведении, а теории лингвистов традиционной корейской школы.

Литература

- 1 Алпатов В.М. О разных подходах к выделению частей речи в японском языке//Вопросы языкознания. – № 4 – М., 1986. – С. 37-46.
- 2 Аникина В.В. Европейские лингвисты XIX века – создатели первых грамматик корейского языка//Вестник российского корееведения. – № 1(спецвыпуск) – М., 2009.
- 3 Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и её изучение. – М., 1981.
- 4 Бергатаев Т.А. Проблема классификации частей речи (На материалах монгольских языков). – Улан-Удэ, 1956.
- 5 Воронина Л.А. Грамматическая шкатулка: сборник упражнений по грамматике корейского языка. Учебное пособие. – М., 2012.
- 6 Исенгалиева В.А. Служебные имена и послелого в казахском языке. – Алма-Ата, 1957.
- 7 Исенгалиева, В.А. Русские предлоги и их эквиваленты в казахском языке. АН КазССР институт языка и литературы.- Алма-Ата, 1959.
- 8 Мазур Ю.Н. Корейский язык. – М., 1960.
- 9 Мазур Ю.Н. Грамматика корейского языка. Морфология. Словообразование. – М., 2001.
- 10 Никольский Л.Б. К вопросу о «неполнозначных именах существительных» в корейском языке. Автореферат канд. дисцип. Военный ин-т ин.яз. – М., 1953.
- 11 Никольский Л.Б. Служебные слова в корейском языке. – М., 1962.
- 12 Оразов М. Служебные имена в тюркских языках (на основе материала казахского, узбекского и туркменского языков): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Ташкент, 1970.
- 13 Рамстедт Г.И. Грамматика корейского языка. Пер. с англ. А.А. Холодовича. – М., 1951.
- 14 Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. – М., 1957.
- 15 Турсунов Д., Хасанов Б., Ислямов А., Бейсенбаев К., Ищанов К. Сопоставительная грамматика русского и казахского языков. – Алма-Ата, 1967.
- 16 Холодович А.А. Грамматика корейского языка. – М., 1937.
- 17 Холодович А.А. Очерк грамматики корейского языка. Уч. пособие. – М., 2013.
- 18 정호완. 한국어의 발달과 의존명사. 서울, 2002.
- 19 표준국어대사전. 3권. 서울, 1999.
- 20 Жанпейісов Е. Қазақ грамматикасы: фонетика, сөзжасам, морфология, синтаксис. Жауапты ред. – Астана, 2002.

References

- 1 Alpatov V.M. O raznyh podhodah k vydeleniyu chastei rechi v yaponskom yazyke//Voprosy yazykoznaneya. – #4 – М., 1986. – P.37-46.
- 2 Anikina V.V. Evropeiskie lingvisty XIX veka – sozdateli pervyh grammatik koreiskogo yazyka//Vestnik rossiiskogo koreevedeniya – #1(specvypusk). – М., 2009.
- 3 Baskakov N. A. Altaiskaya sem'ya yazykov i ee izuchenie. – М., 1981.
- 4 Bergataev T.A. Problema klassifikacii chastei rechi (Na materialah mongol'skih yazykov). – Ulan-Ude, 1956.
- 5 Voronina L.A. Grammaticheskaya shkatulka: sbornik uprazhnenii po grammatike koreiskogo yazyka. Uchebnoe posobie. – М., 2012.
- 6 Isengalieva V.A. Sluzhebnye imena i poslelogi v kazahskom yazyke. – Alma-Ata, 1957.
- 7 Isengalieva, V.A. Russkie predlogi i ih ekvivalenty v kazahskom yazyke. AN KazSSR institut yazyka i literatury.- Alma-Ata, 1959.
- 8 Mazur Yu.N. Koreiskii yazyk. – М., 1960.
- 9 Mazur Yu. H. Grammatika koreiskogo yazyka.Morfologiya. Slovoobrazovanie. – М., 2001.
- 10 Nikol'skii L.B. K voprosu o «nepolnoznachnyh imenah sushestvitel'nyh» v sovremennom koreiskom yazyke. Avtoreferat kand. dis-cii. Voennyi in-t inostr. yaz. – М., 1953.

-
- 11 Nikol'skii L.B. Sluzhebnye slova v koreiskom yazyke. – M., 1962.
 - 12 Orazov M. Sluzhebnye imena v tyurkskih yazykah (na osnove materiala sovremennogo kazahskogo, uzbekskogo i turkmenskogo yazykov): Avtoref. dis. kand. filol. nauk. – Tashkent, 1970.
 - 13 Ramstedt G.I. Grammatika koreiskogo yazyka. Per. s angl. A.A. Holodovicha. – M., 1951.
 - 14 Ramstedt G.I. Vvedenie v altaiskoe yazykoznanie. Morfologiya. – M., 1957.
 - 15 Tursunov D., Hasanov B., Islyamov A., Beisenbaev K., Ishanov K. Sopostavitel'naya grammatika russkogo i kazahskogo yazykov. – Alma-Ata, 1967.
 - 16 Holodovich A.A. Grammatika koreiskogo yazyka. – M., 1937.
 - 17 Holodovich A.A. Ocherk grammatiki koreiskogo yazyka. Uch. posobie. – M., 2013.
 - 18 Jong Ho Wan. Hangukōyeu baldalgwa ūijonmyōngsa. – Seoul, 2002.
 - 19 P'yojoonkukō desajōn. 3 gwon. – Seoul, 1999.
 - 20 Zhanpeisov E. Qazaq grammatikasy: fonetika, sözhasam, morfologiya, sintaksis. Zhaupty red. – Astana, 2002.